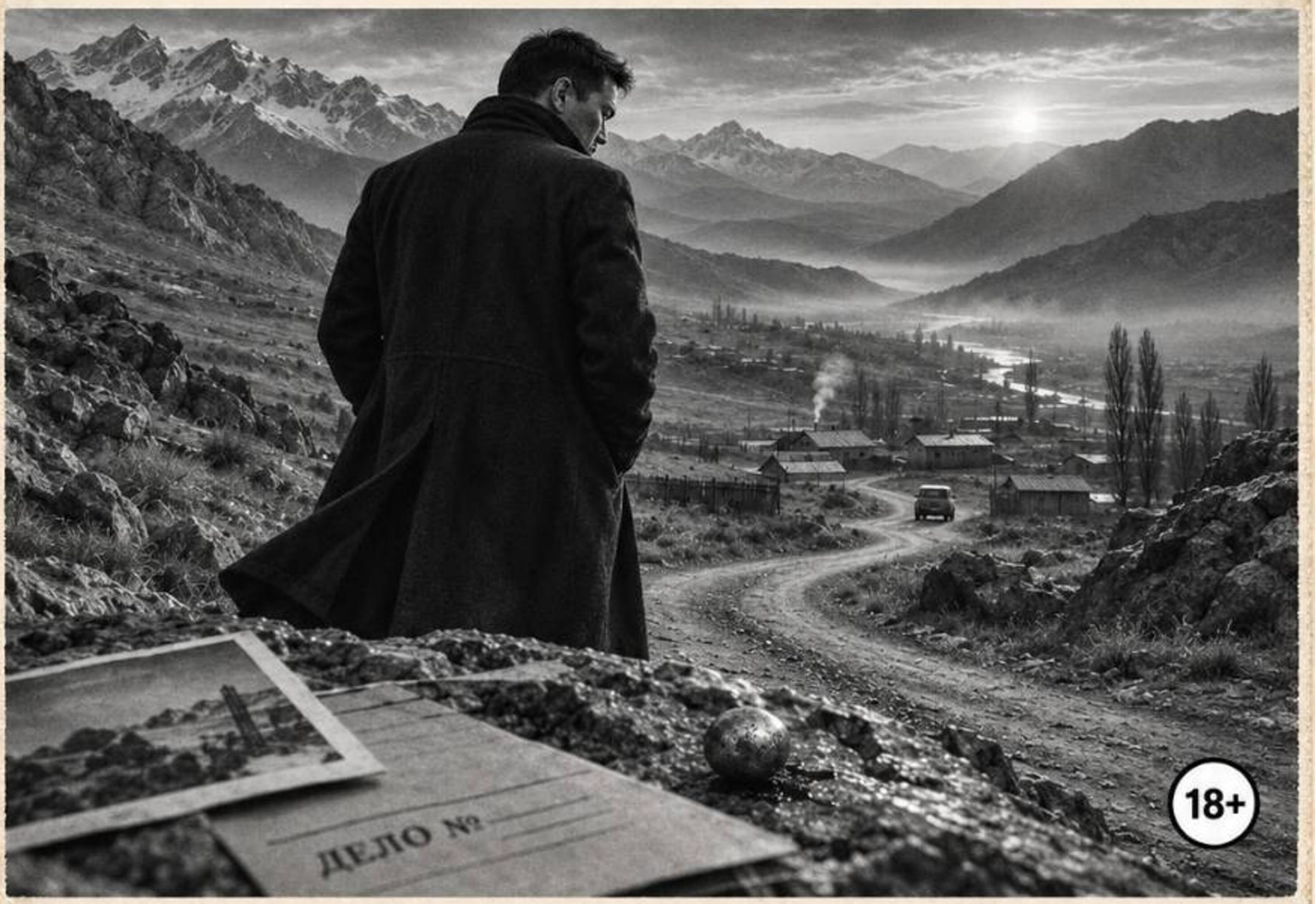
ТАЛГАТ СЕРИКБАЙ

26-Я ДРОБИНА

СЛЕДОВАТЕЛЬ КАЛАШНИКОВ

КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕТЕКТИВ

Талгат Серикбай

26 дробина. Бесплатная версия.

«Автор»
2026

Серикбай Т.

26 дробина. Бесплатная версия. / Т. Серикбай — «Автор», 2026

В горном селе находят убитого мужчину. Восемнадцатилетний парень признаётся в преступлении и показывает, где спрятал тело. Дело кажется раскрытым, но следователя Максата Калашникова тревожит одна деталь: как юноша в одиночку поднял тяжёлое тело по крутому склону? Этот вопрос заставляет вернуться к расследованию, которое все торопятся закончить.«26-я дробина» — криминальная повесть, основанная на воспоминаниях автора о расследовании. История о том, сколько правды может скрываться за добровольным признанием.

© Серикбай Т., 2026
© Автор, 2026

Талгат Серикбай
26 дробина. Бесплатная версия.

ТАЛГАТ СЕРИКБАЙ
СЛЕДОВАТЕЛЬ КАЛАШНИКОВ

26 ДРОБИНА
Криминальная повесть из дел

следователя Максата Калашникова
Художественная повесть

по воспоминаниям о расследовании

От автора

В основе повести — воспоминания о расследовании убийства в горном селе Жамбылской области. Имена героев и частные подробности представлены в художественной обработке. Диалоги, внутренние монологи и некоторые связующие сцены литературно реконструированы. Их не следует воспринимать как дословное воспроизведение протоколов или судебного решения.

Это история не о том, как следствие получило признание: признание было с самого начала. Это история об одном вопросе, который помешал следователю согласиться с удобной, но неполной правдой.

Часть первая. Признание

1. Сестра

Айгерим не помнила, сколько простояла перед дверью милиции. У входа размокала под чьими-то ботинками газета; в коридоре звонил телефон и пахло крепким чаем. У неё было время развернуться и уйти. Может быть, её брат просто хотел напугать её. Может быть, юношеская фантазия обернулась чудовищной шуткой. Но он назвал имя и сказал, где спрятано тело.

Она всё-таки вошла.

— Вы по какому вопросу? — спросил дежурный, не отрываясь от журнала.

— Я хочу сообщить об убийстве.

Ручка остановилась.

— Кого убили?

— Мухтара. Он жил рядом с моими родителями, в горах.

— Кто убил?

— Мой брат. Рахат.

Дежурный посмотрел на девушку внимательнее. У неё было лицо человека, который ещё не решил, не отозвать ли только что сказанное.

— Откуда знаете?

— Сам рассказал.

Он спросил, где находится брат, когда приехал, как зовут погибшего. Айгерим отвечала коротко. Ни имени Сауле, ни разговоров о любви, ни того странного вечера с долгими вопросами здесь пока не прозвучало. Она пришла передать самое страшное и ещё не умела объяснить всё остальное.

Дежурный вышел в соседнюю комнату. Оттуда донеслось торопливое: «Сам признался? Адрес есть?» Несколько сотрудников сразу засобирались. Дело, которое ещё минуту назад никто даже не считал убийством, обещало раскрыться за один вечер.

Айгерим осталась одна в коридоре. Она представляла не милицейскую машину и не наручники, а Рахата маленьким: он бежал по двору с разбитым коленом и просил сестру ничего не говорить матери. Теперь он тоже доверился ей, но сохранить эту тайну она не могла.

Когда сотрудники приехали к Айгерим, Рахат не удивился. Посмотрел сначала на сестру, потом на людей у двери. Не ругался, не пытался бежать.

— Мухтара застрелил ты? — спросили у него.

— Я.

— Где он?

— В горах. Покажу.

— А зачем убил?

— Работал у него, он денег не отдал. Поссорились.

Этот ответ прозвучал так обыкновенно, будто речь шла о потерянном инструменте. Позднее его повторят в протоколах: неоплаченная работа, обида, ссора. Никого пока не заинтересовало, почему парень так легко берёт на себя убийство человека, которому почтительно говорил «Мухтар-аға».

В комнате стало тесно от движения: записывали объяснения, уточняли дорогу, готовили выезд. Айгерим смотрела на брата и думала, что теперь-то он должен рассказать всё. Но Рахат смотрел сквозь неё. Он согласился открыть место захоронения; о другой части своей жизни он твёрдо решил молчать.

2. Под камнями

Выехали рано. Машина долго тряслась по дороге, которая всё сужалась между склонами. За окнами осталось несколько посёлков, потом исчезли и они. Земля была сухая, ветер гонял вдоль обочины пыль. На высоте прохладный воздух пах травой и камнем.

Рахат сидел между сотрудниками и смотрел вперёд. Лицо у него было усталое, но не испуганное. Он показывал дорогу без колебаний, словно ехал не к месту захоронения убитого человека, а к знакомому роднику.

— Здесь остановите.

Дальше шли пешком. Подниматься оказалось тяжело даже налегке. Камни уходили из-под подошв, тропы почти не было. Один из сопровождавших выругался, уцепившись за куст. Рахат шагал впереди и не оборачивался.

Наконец он остановился у ничем не примечательного участка склона.

— Тут.

— Где тут? — спросили его.

— Под камнями.

Камни были уложены плотно и естественно. Ни холма рыхлой земли, ни свежего следа копки. Люди несколько минут разбирали верхний слой, затем взялись за инструменты. Только после этого обозначилось захоронение.

Тело Мухтара действительно находилось там.

Все, кто присутствовал, на мгновение притихли. Рахат отвёл глаза. Он не пытался отрицать очевидное, не изображал удивления. Сам показал место, которое, по всей вероятности, оставалось бы неизвестным ещё очень долго. Ни с дороги, ни со склона захоронение не бросалось в глаза; камни надёжно закрывали его от животных и непогоды.

В протокол внесли обнаруженное, зафиксировали местность, положение захоронения, то, что указывал задержанный. Делу будто бы осталось лишь пройти по кабинетам и получить положенные подписи.

Без указаний Рахата захоронение можно было не обнаружить даже при тщательных поисках: камни скрывали его от дороги и от случайного взгляда.

На проверке показаний Рахат показал и место выстрела: узкий участок дороги, где Мухтар должен был пройти ранним утром. Говорил без заметного сопротивления. Указал, с какой стороны появился потерпевший, где упал, куда, по его словам, сам перенёс тело — только последний путь он описывал так, будто все подробности не имели значения.

— А ружьё где? — спросили его.

— Выбросил в речку.

— В какую?

Рахат показал вниз, туда, где между камнями шумела вода.

Ружьё искали в быстром горном потоке. Люди обследовали доступные участки берегов, заглядывали между валунами, возвращались к отмеченному месту. Железо в этой воде могло уйти далеко или застрять там, куда не добраться. Ничего не нашли. Сотрудники не сделали из неудачи трагедии: признание было, тело было, показания на месте проверены.

Рахат не отступил от слов о реке. Чем меньше вопросов задавали об оружии, тем легче становилось всем. Милиция получила раскрытое убийство. Родные Мухтара — страшный ответ на вопрос о его исчезновении. А Сауле, жена убитого, на тот момент оставалась в глазах всех женщиной, у которой пропал муж и которую постигло несчастье.

Протоколы аккуратно сложили в папку. У истории появился исполнитель, мотив и место преступления. Казалось, теперь она нуждалась не в расследовании, а в оформлении.

3. Плёвое дело

Когда материалы попали к Максату Калашникову, начальник следственного отдела Сакен был в превосходном настроении.

— Держи. Убийство. Можно сказать, подарок.

— Хороший подарок, — сказал Максат, беря папку. — Учитывая содержание.

— Не остри. Парень признался, тело показал, обстоятельства известны. Доведи до суда. И не растягивай на полгода.

Максат открыл папку. Несколько протоколов, объяснения, фотографии места обнаружения тела. Всё выглядело почти образцово: убийца установлен, личность погибшего известна, место захоронения показано самим подозреваемым.

— Мотив?

— Денежная история. Долг, ссора. Разберёшься.

— Оружие?

— Сказал, выбросил в речку. Искали — не нашли. Вода там бешеная.

— Проверка показаний на месте проведена? — спросил Максат.

— Проведена. Он сам вывел группу к трупу. Ты бы видел, как закопал: не нашли бы без него.

Сакен говорил с тем удовлетворением, которое испытывает начальник, когда работа уже сделана, а доклады наверх ещё впереди.

— И что, можно отправлять дело в суд прямо завтра? — спросил Максат.

— Завтра не надо, — усмехнулся Сакен. — Протоколы дочитай, заключение эксперта приобщи, обвинительное подготовь. Но голову себе не морочь. Дело плёвое.

Максат не возражал. Он знал: начальник не выдумал ни признания, ни тела, ни проверки на месте. Отсюда и рождалась опасная уверенность. Почти всё, что было записано, соответствовало действительности.

Разглядывая фотографии, Максат задержался на одной: несколько сотрудников стояли на каменистом склоне над вскрытым захоронением. Снизу виднелась дорога — тонкая полоска между горами. На бумаге расстояние казалось небольшим.

— Труп тяжёлый был? — спросил Максат.

— Под сотню килограммов, говорят. А что?

— Ничего. Хочу сам посмотреть, где его подняли.

Сакен поморщился.

— Съезди. Только, Калашников, не превращай плёвое дело в научную диссертацию.

В коридоре один из оперативников предложил, если потребуется, быстро «договориться» с задержанным. Максат отказался. Он видел, как насилие производит показания, которые потом невозможно проверить, и не считал такую работу ни честной, ни умной. Рахат и без того признался. Вопрос состоял в том, что он недоговорил.

4. Единственный вопрос

Командировочные оформляли в бухгалтерии. Убийство уже считалось раскрытым, бумаги лежали в папке ровной стопкой. Но Максат хотел собственными глазами увидеть склон, по которому, согласно признанию, восемнадцатилетний парень поднял тяжёлое тело. Один из оперативников вызвался ехать с ним.

Пока бухгалтер искала деньги, они стояли у окна. Оперативник ещё утром неторопливо пил чай, шутил о начальстве и спорил с коллегами. Теперь Максат вдруг заметил, что тот словно вытянулся. Плечи подались вперёд, движения стали короткими, взгляд перестал задерживаться на случайных вещах.

— Чего это ты? — спросил Максат.

— Что?

— Да изменился весь. Будто уже там, в горах.

Опер посмотрел на него, потом на дверь бухгалтерии.

— Так мы и едем в горы. Ты деньги-то получил?

Максат усмехнулся. Коллега не понял вопроса — или просто уже не видел смысла тратить на него время.

Максат видел такое и раньше. В обычной жизни опытные оперативники бывали степенными, разговорчивыми, даже ленивыми. Любили рассуждать и спорить. Но стоило появиться нераскрытому убийству, как происходило превращение.

Сначала исчезал сон. Потом теряли значение привычные часы: ночь, утро, обед. День, два, десять — иногда две-три недели люди работали так, будто время отмерялось только новыми зацепками. Заострялись скулы, отрастала щетина, лицо становилось суше. Менялась походка. Менялось выражение глаз. Их переставали интересовать чужие разговоры, если в них не слышалось ничего, способного вывести на след.

Максат мысленно называл их волками. Не потому, что они любили жестокость. И уж точно не потому, что жестокость помогала устанавливать истину. А потому, что всё их внимание собиралось в одну точку. Они будто сканировали пространство и улавливали едва различимые запахи — чужую заминку, изменившуюся интонацию, след на земле, привычку человека оглянуться не туда, куда смотрят остальные.

Этот нюх не заменял экспертиз и протоколов. Зато заставлял пройти лишний километр, задать ещё один вопрос, вернуться туда, откуда все уже уехали.

Сам Максат рядом с ними чувствовал себя волчонком.

Неопытным, временами слишком самоуверенным. Он многого не знал и ещё чаще не мог объяснить, почему задерживает внимание на какой-то мелочи. Но уже замечал, как перед настоящим расследованием обостряется собственное восприятие. Слышнее становились голоса. Быстрее — реакции. Чужая тревога касалась его почти невесомо, словно ветер, которого другие не замечали.

Бухгалтер положила перед ними деньги и велела расписаться. Опер подписал ведомость, не взглянув на сумму, забрал папку и направился к выходу.

Максат пошёл следом.

Волк уже собирался на охоту. Волчонок ещё учился различать следы.

В ущелье они приехали с копией схемы и фотографиями. Опер остался у машины — поговорить с местными и ещё раз проверить дорогу. Максат поднялся выше один. Он не любил размышлять об обстоятельствах, которых не видел своими глазами. На бумаге стрелка от дороги к месту захоронения выглядела короткой. На местности она превращалась в тяжёлый, скользкий подъём.

У дороги он задержался. По этому пути, как следовало из показаний, Мухтар уходил рано утром. Между горами ещё лежала тень. Рахат будто бы поджидал его сверху, выстрелил и затем перенёс тело к месту захоронения.

Максат попытался мысленно восстановить движения. Стрелок должен спуститься, подойти к погибшему, поднять или тащить тяжёлое неподвижное тело, преодолеть каменистый склон, выкопать яму, уложить тело, засыпать землю, закрыть всё камнями. Потом убрать инструменты, вернуться вниз — и ни одного помощника.

Он не утверждал, что это невозможно. Такое слово опасно произносить до проверки. Но поверить в рассказ Рахата, не испытав его на прочность, Максат не мог.

На следующем допросе он не стал начинать с убийства.

— Ты хорошо знаешь горы?

— С детства.

— Где опаснее идти: по крупному камню или по мелкому?

Рахат ответил сразу, охотно. Горы были для него понятнее людей.

— А Мухтара ты как поднимал?

— Тащил.

— За руки или за ноги?

— За руки.

— До первого уступа?

Пауза.

— Да.

— А потом?

— Дальше.

Максат развернул схему. Вопросы стали простыми и сухими. Где останавливался? Сколько раз? Где положил тело, пока копал? Когда успел приготовить место? Ответы не совпадали то с рельефом, то друг с другом.

— Рахат, — сказал он наконец, — я не спрашиваю, стрелял ли ты. Я спрашиваю, кто помог тебе поднять Мухтара.

— Никто.

— Тогда расскажи так, чтобы я мог это представить.

Рахат попытался. Не получилось.

После допроса Максат долго сидел над листом бумаги. Он выписал несколько слов: «вес», «склон», «время», «лопата», «ружьё». Между ними оставалось пустое место, и это пустое место постепенно принимало форму ещё одного человека.

Он вернулся к фотографии, на которой Рахат стоял возле могилы. При всей решимости, с какой тот признался, парень выглядел худым и совсем молодым. На теле Мухтара, напротив, были вещи взрослого, тяжёлого человека. Вопрос был не в том, мог ли сильный юноша что-то поднять. Вопрос был в конкретной местности, конкретном расстоянии и конкретном мёртвом весе, который не помогает себя нести.

Максат ещё не видел второго участника и даже не был уверен, что второй участник существовал. Но ему требовалось объяснение: хотя бы одно последовательное, проверяемое объяснение, как тело оказалось под камнями.

В материалах было и заключение судебно-медицинского эксперта. Максат приехал к эксперту уже после осмотра склона: ему хотелось уточнить одну необычную подробность, отмеченную в описании повреждений.

— Двадцать шесть, — сказал эксперт, разложив схему.

— Двадцать шесть чего?

— Дробовых попаданий. А к сердцу прошла одна дробина. Видишь — между рёбрами. Остальные не дали такого смертельного повреждения.

Максат наклонился над рисунком.

— Выходит, при чуть другой траектории он мог остаться жив?

— Возможно. Выстрел опасный, конечно. Но именно здесь всё решил один чрезвычайно неудачный для него путь дробины. В заключении написано то, что установлено. Судьбу мы не исследуем.

Максат поблагодарил эксперта. Уже на улице подумал: жизнь Мухтара оборвалась из-за одной дробины, прошедшей между рёбрами. Сам выстрел случайным не был. Но был ли умысел именно на убийство — следствию ещё предстояло выяснить.

И в расследовании всё решал на первый взгляд небольшой вопрос — как тело оказалось наверху, под камнями. Пока он ничего не доказывал, но не позволял закрыть папку.

5. Пианино

В отделе встречались люди, считавшие, что у допроса всего две стадии: сначала подозреваемый молчит, потом его заставляют говорить. Некоторые оперативники прибегали к незаконному удержанию, угрозам и пыткам. Максат видел цену таким «признаниям»: человек мог повторить всё, что от него требовали, и не сказать правды.

Сам Максат называл свой способ слушать человека «пианино». Не научный термин — всего лишь образ, который однажды возник у него на допросе. Тогда он впервые услышал, как по-разному звучат одни и те же слова, если за ними стоит чужая боль.

С тех пор он начинал с простых вопросов и вслушивался в ответы. Не в поисках единственного правильного звука — в ожидании того, который вдруг изменится.

Однажды оперативник, узнав, что Рахат снова идёт к Калашникову, усмехнулся:

— Дай его нам на вечер. Он тебе не только про ружьё, но и про все свои грехи расскажет.

— А заодно и про чужие, — ответил Максат.

— Ты всё со своими разговорами.

— Мне не нужно признание любой ценой. Мне нужно понять, что было.

Когда Рахата ввели в кабинет, Максат не раскрыл папку и даже не взял ручку. Подвинул к нему стул.

— Садись. Чай будешь?

— Нет.

— А если принести? Ничего ведь не ел, наверное.

— Ел.

— Нормально кормят? Не болеешь? Спишь?

— Нормально.

— Не очень-то похоже. Осунулся ты.

Рахат пожал плечами. Голос оставался ровным, взгляд — настороженным, но не более того. Максат запомнил этот тон. На допросе важно было сначала услышать, как звучит спокойствие.

— Родные приходят?

— Мать была.

— А отец?

— Был тоже.

— Хороший у тебя отец. Не бросает. И мать, говорят, за всех переживает. Братья, сёстры как?

— Дома.

— Айгерим тебе близка?

— Сестра есть сестра.

Максат не спорил и не переспрашивал. О семье Рахат говорил скупо, но без заметной перемены. Он отвечал так, как отвечал бы на вопросы о погоде. Эту клавишу можно было пока оставить.

— Ты ведь у соседей подрабатывал? На что жил?

— Помогал кому надо.

— Деньги платили?

— Когда как.

— Мухтар сколько обещал?

Рахат назвал сумму. Максат попросил уточнить, за какую работу. Потом спросил, покупал ли он что-нибудь на заработанное, кому сам должен, собирался ли ехать в город. Денежная тема, на которой держалась первоначальная версия убийства, звучала удивительно тускло. Рахат путался в суммах, но не возмущался, не оживлялся, не начинал доказывать своё. Даже обида из-за неоплаченной работы выглядела будто заученной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.